

говорящего. Корпусное исследование показывает, что дейктические наречия функционирует параллельно с предложными конструкциями, обозначающими перемещение в ту же область, например, *hinaus auf die Straße* 'наружу на улицу' – *auf die Straße* 'на улицу'. Установление того, какие факторы влияют на употребление предложной конструкции и предложно-наречной конструкции, станет предметом наших дальнейших исследований.

Т. К. Кохнович

МОЛЧАНИЕ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЗАМЕНА ВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. КЕСТНЕРА

Несмотря на значительное число работ, посвященных проблеме молчания, интерес к данному явлению не ослабевает до настоящего времени. Молчание рассматривалось преимущественно на материале русского языка, этой проблеме посвятили свои исследования С. В. Крестовский, Г. Г. Почепцов, Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, С. В. Меликян, И. Йоко и др. В работах указанных авторов наиболее подробно рассматривались такие вопросы: место молчания в системе речевых актов, разграничение коммуникативно значимого и коммуникативно незначимого молчания, молчание как компонент вербальной/невербальной коммуникации, функции молчания в речевом общении. Следует отметить, что названные проблемы в настоящее время не имеют однозначного решения и по-прежнему привлекают внимание лингвистов. Кроме того, проблемой дискуссий остается вопрос первичности или вторичности молчания по отношению к речи. Многие исследователи отмечают, что молчание можно рассматривать только лишь на фоне речевой деятельности. А нарушить его можно тогда, когда есть говорение: то есть прагматика, свойственная говорению, переносится на его отсутствие. Поскольку значения молчания не содержатся в языковой форме, есть необходимость введения в структуру акта молчания имплицативного содержания, что означает понимание значения молчания. В процессе декодирования информации, полученной от молчания, адресат опирается в большей степени на контекст и фоновые знания. Отвечая на вопрос, что более важно, речь или молчание, обычно выделяют три группы мнений: а) мнение тех, кто предпочитает речь; б) кто считает молчание первичным; в) кто считает молчание таким же важным, как и речь. В данной связи можно говорить о вокализованной и невокализованной коммуникации. Это показывает, что речь и молчание находятся в оппозиции друг к другу, но только с точки зрения использования речевого аппарата. Молчание и слово являются, на наш взгляд, следствием друг друга, слово используется для описания молчания. Вместе с тем многие исследователи отмечают, что несмотря на признаки взаимосвязанности молчания и речи, проблема связи этих двух явлений между собой остается до конца не решенной.

Е. М. Мартынова поднимает вопрос, касающийся природы молчания, то есть отнесения его к позитивным или негативным явлениям. В исследованиях западных лингвистов молчание рассматривается как отрицательное

явление, поскольку оно не имеет содержания и является нарушением правил разговора, и как результат пассивности. В сферах публичной коммуникации, для которой главная функция – обмен информацией, молчание выступает как негативное явление и воспринимается таковым потому, что оно прерывает речевую цепочку и вынуждает партнера по коммуникации искать причину нарушения контакта. Большинство исследователей, однако, отмечает, что молчание используется как часть тактики или стратегии, направленной на достижение определенной цели. Так, в диссертационном исследовании И. Йоко указывается, что синтагматика молчания опровергает его негативность, ибо оно используется зачастую для того, чтобы собраться с мыслями, найти подходящее слово. Представляется, что молчание несет в себе положительный или отрицательный заряд и может оцениваться как позитивное или негативное явление в зависимости от успешного речевого взаимодействия.

В настоящее время появляется значительное число работ, посвященных исследованию молчания на материале различных языков. Так, на материале немецкого языка Е. И. Чепанова разработала классификацию видов молчания на основе коммуникативных ситуаций и показала, что молчание имеет свой смысл и свои задачи, не уступающие по важности произнесенному слову, они глубже, чем недосказанность. Л. А. Лазутова и Е. А. Левина рассмотрели на материале художественных текстов полевою структуру концепта «молчание», состоящую из ядра и периферии. В работах Г. Л. Берзиной предпринята попытка систематизации невербальных средств выражения concessивного значения. Автор указывает, что невербальный язык более точен, так как показывает, что люди думают на самом деле. Словами мы передаем только рациональное знание, но для чувственных проявлений этого недостаточно. Невербальная информация передается даже тогда, когда собеседник молчит. По мнению многих исследователей эта информация может составлять более 80 %. Исследования на материале различных языков показывают, что молчание как форма внутренней речи экспрессивно окрашено.

Н. Д. Арутюнова отмечает, что молчание представляет собой высшую форму коммуникативной деятельности, чистый способ передачи переживаний и чувств, не отягощенный условными значениями префиксов и основ. Поскольку молчание может быть различным в разных сферах и жанрах, А. Яворский предлагает рассматривать его как «метафору коммуникации». Это позволяет выйти за пределы определения молчания как «отсутствие звука». Во многих исследованиях причины молчания связываются с эмоциями и определенным состоянием коммуникантов. Так, С. В. Крестовский, обобщив многочисленные исследования по выделению функций молчания, определяет три основных: эмотивную (передает эмоциональные состояния человека); когнитивную (выражает мыслительную деятельность коммуниканта); гезитативную (отражает мыслительные процессы коммуниканта с имплицатурой сомнения) функции. Все названные функции тесно переплетаются, так как участник коммуникации зачастую пытается скрыть эмоционально нестабильное состояние и к молчанию прибегает ненамеренно. Сом-

нение у человека появляется из-за утраты эмоционального равновесия. С. В. Меликян отмечает, что человек берет паузу для того, чтобы придать вес своим словам, а также для эмоциональной замены вербального общения.

Характерно, что в русской литературе молчание эмоционально наполнено, что позволяет говорить об эмоциональной коммуникации. Это дает основание Е. С. Радионовой различать молчание, порожденное размышлениями и молчание, вызванное эмоциями. В молчании человек более красноречив, чем в слове.

В. В. Богданов отмечал, что вероятность того, что коммуникант отреагирует на вербальную реплику своего собеседника, будет существенным образом зависеть от темперамента коммуниканта, его психического состояния, здоровья, степени знакомства и от целого ряда других факторов, нередко трудно поддающихся учету. Изучение контекстов молчания в произведениях Э. Кестнера показало, что молчание может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. Эксплицитное содержание – это то, что сказано в открытом тексте и сопровождается глаголом *schweigen* ‘молчать’.

Установлено, что для передачи коммуникативного содержания автор использует комплекс таких телодвижений как: пожимать плечами, опустить голову, кивнуть головой, покачать головой, пристально смотреть на кого-либо и др. С помощью невербальных средств коммуникации передаются следующие эмоциональные состояния героев:

- изумление: *Alle außer ihm erstarrten.* – Все, кроме него, оцепенели.
- возмущение: *En verschluckte vor Wut den Zigarettenrauch.* – От возмущения он проглотил сигаретный дым.
- волнение: *Er greift sich an das Herz.* – Он хватается за сердце.
- сомнение: *Er verstand das nicht und zuckte die Achseln.* – Он это не понял и пожал плечами.
- размышление: *Sie saßen lange und grübelten nach.* – Они долго сидели и размышляли.
- безразличие: *Mattias zuckte die Achseln und kaute weiter.* – Матиас пожал плечами и продолжал жевать.

Наиболее часто в произведениях Э. Кестнера употребляется глагол *nicken* ‘кивать головой в знак согласия’. Это один из самых распространенных жестов, выражающих молчание невербальным способом. Авторские уточняющие ремарки позволяют читателю понять душевное состояние героев:

Sie nickten – Они кивнули в знак согласия.

Sie nickten unwillig – Они кивнули раздраженно.

Sie nickten verzweifelt – Они кивнули в отчаянии.

Sie nickten klug – Они кивнули с умным выражением лица.

Несогласие выражается глаголом *schütteln* – ‘покачивать головой’:

Haben Sie schon die Zeitung gelesen? – *Sie schüttelte den Kopf.* – Вы уже читали газету? – Она покачала головой.

Таким образом, репрезентация молчания невербальными средствами помогает понять душевное состояние героев и показывает, что межличностное общение эмоционально и экспрессивно. Можно отметить, что обращение коммуникантов к молчанию есть вербальная невыразимость некоторого содержания, а способность выражать и понимать без слов придает молчанию огромную коммуникативную силу.

Р. В. Лебедев

РАЗВЕРНУТЫЙ ВЕРБАЛЬНЫЙ ХЕЗИТАТИВ В ИНТЕРНЕТ-ДИАЛОГЕ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Одной из наиболее ярких отличительных черт интернет-коммуникации является ее гибридная устно-письменная форма. В этой связи интересным представляется изучение особенностей функционирования в данном типе коммуникации элементов, свойственных только (или преимущественно) устной либо письменной речи.

Так, важным элементом разговорной речи являются паузы хезитации и их разнообразные заполнители, к числу которых относится *развернутый вербальный хезитатив* (далее – РВХ) – метакоммуникативная рефлексивная конструкция, эксплицитно фиксирующая коммуникативные затруднения говорящего с помощью лексических индикаторов затруднения и глаголов речи: *no sé cómo decir, no encuentro la palabra, cómo lo describiría* и под.

Такие конструкции типичны для естественного устного диалога, в ходе которого говорящий неизбежно сталкивается с ситуациями, когда вербализация его замысла затруднена в силу целого ряда языковых или прагматических причин (отсутствие адекватной номинации в идиолекте говорящего, необходимость компактной вербальной «упаковки» объемной информации, необходимость сообщения неприятной, тяжелой для собеседника информации и мн. др).

При этом закономерно возникает вопрос о причинах и характере использования подобных конструкций в интернет-коммуникации. На первый взгляд, может показаться, что их функционирование в ситуации, когда говорящий/пишущий располагает необходимым временем для обдумывания и выбора максимально точной и корректной вербальной формы для реализации своего коммуникативного замысла, маловероятно в силу ненужности и даже некоторой неестественности. Первичная в устном общении функция заполнения паузы при затруднении – хезитативная функция – утрачивает свою релевантность в ситуации интернет-общения. Особенно очевидно это для асинхронного интернет-диалога (например, форумного общения), во время которого от адресанта не требуется немедленной речевой реакции.

Между тем, как показывают наши наблюдения, испанская интернет-речь демонстрирует не только возможность, но высокую частотность их употребления, причем формальная структура РВХ в таких диалогах не отличается от